

А. П. Назаретян¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В «ВЕК БИФУРКАЦИЙ»

Поколение живущих сегодня людей можно смело считать самым значительным из всех, что когда-либо жили на нашей планете.

Митио Каку. Физика будущего

Недавно в публичной дискуссии склонный к парадоксальным суждениям эрудит-«западник» доказывал, что Россия чуть ли не пустоцвет на древе человечества. Он рассуждал примерно так: в Англии произошла промышленная революция, итальянцы открыли электричество, и т. д., и т. п. «А чего не было бы в мире, если бы не было нашей страны?»

В аудитории преобладала неконформистски настроенная молодежь, и в ответ на риторический по интенции вопрос было неуместно рассказывать про Гагарина, Толстого и Айвазовского — на столь очевидные ходы в рукаве у оппонента наверняка имелись крапленые карты, так что спор грозил превратиться в досужую игру. Чтобы перехватить инициативу, требовалось что-то неожиданное, и, следуя сослагательной интриге вопроса, я ответил коротко: «Если бы не было России, не было бы XXI века»...

Ответ дан не в полемическом задоре — это результат многолетних исследований, сосредоточенных в последнее время в Центре мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН [2]. При углубленном изучении переломных вех истории и предьстории человечества обнаруживается, что в прошлом оно неоднократно находилось на грани гибели из-за накопившихся последствий собственной деятельности. Последний по времени глобальный кризис пришелся на XX столетие, и полвека назад никто не мог гарантировать его благополучное завершение. Анализируя общественные настроения 1960-х годов, мы видим, насколько малы были шансы планетарной цивилизации дожить до XXI века. И насколько велика заслуга СССР в том, что человечеству все же удалось выкарабкаться из-под военно-политических и экологических (связанных более всего прочего с массивными ядерными испытаниями) завалов середины прошлого века. В книге [2] показано также, что Октябрьская революция, ставшая катастрофой для России, дала мощный импульс прогрессивным социальным преобразованиям в «цивилизированных» странах.

Вопреки распространенным убеждениям новые глобальные угрозы отличны по содержанию от тех, которые удалось преодолеть в XX веке. Не обсуждая их здесь подробно, обратим внимание на одно из самых удивительных открытий начала XXI века. Во-первых,

в социально-исторической, биологической и космической фазах универсальной эволюции прослеживаются сквозные векторы, так что совокупная сложность Вселенной последовательно возрастала. Во-вторых, серия независимых расчетов, проведенных учеными разных специальностей в Австралии, России и США, показано, что на протяжении 4,5 млрд лет эволюция биосферы и общества ускорялась в соответствии с простой логарифмической формулой (которая, возможно, распространяется и на эпохи космической эволюции, непосредственно предшествовавшие образованию Земли и Солнечной системы). Ни космические и геологические катаклизмы, ни появление на Земле людей с их свободой воли и обильными безрассудствами не изменили эту преемственную тенденцию: временные периоды между глобальными катастрофами (с последующими качественными усложнениями биосферы и антропосферы) сокращались в убывающей геометрической прогрессии. При экстраполяции в будущее выяснилось, что около середины XXI века гиперболическая функция исчерпывается, то есть кривая обращается в вертикаль, скорость эволюционных изменений устремляется к бесконечности, а интервалы между фазовыми переходами — к нулю (рис. 1). В математике это называют сингулярностью, за которой должна наступить фаза бифуркации — смена миллиардолетних тенденций.

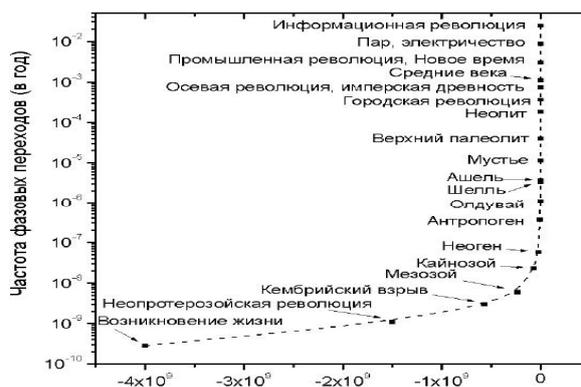

Рис. 1. Масштабная инвариантность распределения биосферных фазовых переходов во времени (по [3])

Ученые и философы обсуждают, какая же предметная реальность скрывается за этим математическим выводом [8]. По всей видимости, на горизонте грандиозный перелом в эволюции общества и природы на Земле, сопоставимый с появлением жизни. Согласно оценкам, полученным с использованием синергетических моделей и современных методов глобального прогнозирования, за этим могут последовать:

¹ Главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Международного университета «Дубна», доктор философских наук, кандидат психологических наук. Главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории». Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных изданий: «Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы», «Агрессивная толпа, массовая паника, слухи», «Психология стихийного массового поведения», «Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории», «Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии», «Нелинейное будущее» и др.

а) обвал планетарной антропосферы (простой аттрактор); б) временная стагнация на пике возможной сложности (горизонтальный странный аттрактор); в) прорыв в новую — космическую фазу эволюции (вертикальный странный аттрактор).

Принципиальная возможность третьего (прорывного) сценария теоретически показана в новейшей астрофизике и подтверждена моделями эвристики. В новейших естественно-научных публикациях подробно аргументируется вывод о том, что сознание представляет собой «космологически значимый факт» и перспектива развития Метагалактики определяется перспективой развития разума. Более того, имеются основания полагать, что эра спонтанного роста сложности Вселенной близится к завершению, и если дальнейшая эволюция в принципе возможна, то она может быть только сознательно управляемой. Но для этого требуется сознание, способное выдержать неограниченный рост инструментального потенциала: согласно закону техно-гуманитарного баланса именно рассогласование технологических возможностей с качеством культурно-психологических регуляторов всегда провоцировало антропогенные кризисы, катастрофы, а во многих случаях — саморазрушение социальных организмов, подорвавших природные и геополитические основы своего существования.

Таким образом, сценарии развития Земной цивилизации за порогом прогнозирования упираются в вопрос о том, успеет ли сознание выработать средства саморегуляции, соразмерные технологиям, развивающимся в режиме небывалого ускорения.

Стержневой глобальной проблемой XXI века становится дефицит смыслов. В стремлении заполнить смысловой вакуум люди обращаются к религиозным и квазирелигиозным идеологиям (конфессиональный, национальный и прочий фундаментализм), которые построены по ментальной матрице «они–мы», разделяя мир на своих и чужих, так что образ врага искони служил фактором групповой консолидации [4]. Между тем мир вступил, по выражению американского программиста, в эпоху «знаний массового поражения» [5]. С развитием науки новейшее оружие становится все более дешевым и доступным, выходя из-под контроля государств и «вменяемых» правительств. Размывающиеся грани между боевыми, производственными и обиходными технологиями, а также между состояниями войны и мира делают Землю как никогда хрупкой, зависимой от прихоти пассионарных вождей и отдельных технологически «продвинутых», но не обремененных грузом социальной ответственности провокаторов. При этих обстоятельствах условием сохранения планетарной цивилизации в XXI веке становится способность разума вырваться из оков макрогрупповой (конфессиональной, национальной, классовой и т. д.) идентичности и освоить стратегические смыслы, свободные от разобщающих идеологий.

Вот почему сегодня «национальные идеи» становятся эффективными в той мере, в какой они строятся не на патриотическом, но на космополитическом основании. А именно: что способна сделать та или иная

страна для обеспечения жизнеспособности планетарной цивилизации в ближайшие десятилетия.

Россия в текущем столетии имеет шанс стать для мирового сообщества столь же важным сохраняющим фактором, каким она послужила в прошлом столетии. Такая настоятельная потребность обусловлена напряжениями текущего исторического этапа.

Победа в холодной войне породила у западных лидеров эйфорию, чувство вседозволенности и безнаказанности, комплекс катастрофофилии, выражающийся иррациональным стремлением к «маленьким победоносным войнам». В 1990-х годах заметно снизился интеллектуальный уровень внешнеполитических решений. На смену своего рода гроссмейстерам, проводившим в 1970–1980-х годах блестящие комбинации, нацеленные на сохранение стабильности даже самых одиозных режимов (дабы избежать коммунистического проникновения) и сложившегося международного порядка пришли игроки пятого разряда, не умеющие просчитывать последствия дальше одного хода. Импульсивные действия, за которыми глубокомысленные экономические и политические обозреватели склонны усматривать далеко идущие планы, в действительности раз за разом оборачиваются проигрышем для их инициаторов и расшатывают устойчивость мировой политической системы.

В 2003 году мне доводилось писать об этом в американской печати [7], анализируя события в Югославии и Ираке, и с тех пор примеры драматически множатся. В самые последние годы провокации в Египте, Северной Африке, Сирии, Украине не только сопровождалась множественными человеческими жертвами, но и приводили к явно контрпродуктивным эффектам. Эпигоны из США, поощрявшие агрессивную толпу на Тахрире в 2011 году, не ждали, что «победа демократии» приведет к власти братьев-мусульман. Разжигая беспорядки на Майдане в конце 2013 года, американские политики и их европейские последователи едва ли стремились привести Украину на грань гражданской войны — они, как прежде, самоуверенно вмешались в события, не изучив страну и сложившуюся ситуацию...

Историко-психологический анализ показал, что подобная симптоматика («предкризисный синдром»), спровоцированная рассогласованием между технологической мощью и качеством регуляторов, обычно предшествовала кризисам и катастрофам. В частности, специалист по истории позднего Рима Сюзан Маттерн провела прозрачную параллель между действиями современных американских политиков и римских политиков в преддверие краха Империи [6]. Сегодня это чревато самоубийственными глобальными последствиями.

Вместе с тем крах биполярного мира вывел на поверхность террористические группы, пестовавшиеся оппозиционными военными блоками и затем одичавшие, как бездомные псы (экологи знают, что собачьи стаи, заняв нишу уничтоженных людьми волков, представляли еще большую опасность). При небывалой доступности новейших средств разрушения неуправляемый конфликт между религиозными фанатиками

и фетишистами западных форм демократии грозит обвалом планетарной цивилизации. В итоге дальнейшие исторические события будут развиваться в сторону «простого аттрактора», то есть к разрушению антропо- и биосферы.

Сегодня многое в судьбе цивилизации может зависеть от того, найдется ли своевременно надежный стабилизатор, обеспечивающий становление понастоящему многополярного мира. Таким стабилизирующим фактором имеет шанс стать сильная, трезвая и демократическая Россия, и использование этого исторического шанса могло бы составить мировоззренческую подоплеку новой «национальной идеи».

В российской культуре жива оригинальная традиция светского (то есть не замешанного на религиозно-идеологических конфронтациях) планетарного мышления, представленная космической философией. Ее провозвестник князь В. Ф. Одоевский изложил суть такого мышления наглядной схемой. «При всяком происшествии, — писал он, — будем спрашивать самих себя, на что оно может быть полезно, но в следующем порядке: 1-е, человечеству, 2-е, родине, 3-е, кругу друзей или семейству, 4-е, самим себе. Начинать эту прогрессию наизворот есть источник всех зол, которые окружают человека с колыбели» (цит. по [1, с. 681]).

Выстроенная таким образом иерархия ценностей приоритетов сегодня впервые становится понастоящему исторически востребованной, и Россия может сделаться ее знаменосцем. Для этого, вместо заигрывания со средневековыми суевериями под предлогом «возвращения к истокам», следует ясно обозначить курс на укрепление технически мощного, независимого, прогрессивного и авторитетного государства. Воспитательная работа и политическая пропаганда должны апеллировать не к «патриотизму» и тем более не

к «православию» (все это безнадежно тривиализирует современные задачи), а к миссии трезвого модератора в игре политических амбиций на международной арене. Только в таком — над-идеологическом — контексте российская внешняя политика способна стать по-настоящему перспективной и привлечь активных сторонников за рубежом, каковых во множестве имела советская политика в период расцвета интернациональной коммунистической идеологии.

Литература

1. *Медведев Ю.* «На границе грядущего с беспредельным» / Ю. Медведев // Русская фантастика XIX — начала XX веков. — М.: Правда, 1986. — С. 680–692.
2. *Назаретян А. П.* Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании / А. П. Назаретян. — М.: Инфра-М, 2014.
3. *Панов А. Д.* Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI) / А. Д. Панов. — М.: ЛКИ, 2008.
4. *Поршнев Б. Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) / Б. Ф. Поршнев // Историческая психология и социология истории. — 2010. — Т. 3, № 2. — С. 185–219.
5. *Joy B.* Why the future doesn't need us? / B. Joy // *Wired*. — 2000. — Apr. — P. 238–262.
6. *Mattern S.* Rome and the enemy. Imperial strategy in the Principate / S. Mattern. — Berkeley: Univ. of Caliph. Press, 1999.
7. *Nazaretyan A. P.* Power and wisdom: Toward a history of social behavior / A. P. Nazaretyan // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. — 2003. — Vol. 33, № 4. — P. 405–425.
8. Singularity hypotheses. A scientific and philosophical assessment / A. H. Eden [et al.] (eds.). — Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2012.